

КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

18+

Владимир Жуков
Бархатный сезон

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жуков В. А.

Бархатный сезон / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Алчный и лживый мэр города накануне очередных выборов, ради повышения рейтинга и сохранения кресла, заказал писателю книгу о своей кипучей деятельности для блага людей. Из-под острого пера принципиального прозаика вышло обвинительное заключение.

1. Срочный заказ

В августе от палящего солнца плавился асфальт, но и сентябрь, вопреки прогнозам синоптиков, выдался сухим и жарким. Жизнь протекала привычно. Работу за письменным столом я иногда прерывал для того, чтобы выбраться на Бочарку и поудить рыбу, окунуться в бирюзовую прохладу воды.

Однажды, собрав удочку, спиннинг, садок, я готов был оставить свое жилище, но у порога меня остановил телефонный звонок. Приглашали в местную мэрию, поэтому был вынужден отложить приятный отдых на берегу и сменить экипировку.

“Зачем я ему понадобился?” – с этим засевающим в сознании вопросом я переступил через порог приемной. Женщина-секретарь, приветливо улыбнувшись, указала на дверь, в кабинет Ланцюга. С правой стороны за широким полированным столом я увидел плотного коротко стриженного рыжеволосого мужчину с круглым упитанным лицом и пухлыми, как у хомяка, щеками. За его спиной на древках свисали флаги, со стены взирал портрет президента.

– Прошу вас, Влад Алексеевич,– приподнявшись из-за стола, произнес чиновник, едва я ступил на мягкий ворсистый ковер. В помещении с тремя десятками стульев и длинного стола для заседаний было прохладно и уютно. Работали два кондиционера, на окнах жалюзи и свет был приглушен. С противоположной стороны от стены находился мебельный гарнитур с телевизором, видеомэгнифоном в нишах. Хозяин кабинета приблизился ко мне, подал руку и я ощутил крепкое рукопожатие. Он жестом указал на мягкое кресло, а сам возвратился в свое кожаное. Внимательно, пристально посмотрел на меня, словно пытаюсь проникнуть в мир моих мыслей. Затем его по-женски сочные губы изобразили улыбку.

– Влад Алексеевич, я перед вами виноват,– произнес он вкрадчиво ироничным голосом.– Вы уж извините меня великодушно. Знаете столько важных дел с раннего утра до глубокой ночи. С интересными, творческими людьми некогда пообщаться.

– Ярослав Гордеевич, вы мне ничем не обязаны, поэтому не знаю, о какой вине идет речь,– с недоумением пожал я плечами.

– Да как же, виноват на все сто процентов,– покаялся он.– Только недавно узнал, что в городе живет известный журналист и писатель. Вы о себе по ложной скромности почему-то не напомнили, а мои аппаратчики прошляпили, не доложили, как положено. Но будьте, уверенны, я с них взыщу, чтобы впредь неповадно было...

– Не в моем стиле обивать пороги высоких кабинетов,– ответил я.– Не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Вы уж, пожалуйста, никого не наказывайте.

– Эх, Жарков, милосердный вы человек,– вздохнул чиновник.– Именно таким я вас себе и представлял. Вы, писатели, поэты, художники – народ свободолюбивый, своенравный. Я вам по-доброму завидую, что вы можете себе многое позволить, а на государственной службе без железной дисциплины невозможно, иначе не ты аппаратом, а он тобою управлять станет, превратит в марионетку. Особенно сейчас в кризисное время нужна твердая рука. Подчиненные должны работать в поте лица своего. У чиновников ведь зарплата раза в четыре-пять выше, чем у простых рабочих на производстве.

– Значит, вы руководите методом пряника и кнута,– усмехнулся я.

– Другие методы не дают эффекта, сознание подчиненных еще не достигло зрелости и прогресса,– ответил Ланцюг. – А перед вами я испытываю вину за то, что не позаботился, не создал нормальных условий для творческого труда. Знаю, как сейчас туго живется прозаикам, поэтам. Журналисты еще кое-как перебиваются, пристроившись в коммерческие издания, а вот у писателей хлеб труден и горек. Издательское дело в стране загублено, убыточно. Всего четыре книги издает в год на человека. Стыд и позор, а когда-то советский народ был самым читающим.

– Вы и об этом знаете? – с напускным удивлением произнес я.

– Такая у меня работа обо всем знать и иметь свое мнение, – не без гордости заметил он. – Коль мне доверили этот пост, то я отвечаю за все, что происходит городе. Жаль, что только сейчас удалось познакомиться. Но лучше позже, чем никогда. Постараюсь с лихвой компенсировать дефицит внимания к одному из представителей славной интеллигенции. Окажу и материальную и моральную поддержку.

– Мне благотворительность ни к чему, – возразил я. – Привык честным трудом зарабатывать на жизнь.

– Влад Алексеевич, не темните, не скромничайте, – усмехнулся Ярослав Гордеевич. – Знаю о ваших жалких гонорах.

– Откуда?

– Из налоговой администрации сведения предоставили. Наверное, на бумагу и чернила денег не хватает. А чтобы издать новую книгу, надо выложить не менее семьсот, восемьсот, а то и тысячу долларов. Да потом самому еще суметь реализовать книгу и все равно себе в убыток. Дело писателя, как это было прежде работать за столом, а не за прилавком. Так ведь?

– Конечно, так, вы правы, – согласился я и добавил. – Для того, чтобы книга увидела свет, необходима помощь спонсоров, меценатов, но они вкладывают деньги в бизнес, сулящий гарантированную высокую прибыль.

– Скупые и темные, не понимают великую силу и магию искусства, – посетовал он. – А насчет честного труда я вас поддерживаю. Сейчас бесплатно никто ничего не дает. Вы ведь знаете цену своего интеллектуального труда?

– Вполне, но сейчас он не востребован.

– Будет востребован, – лихо подхватил фразу чиновник. – Я предлагаю вам интересную работу, срочный заказ. Денежное вознаграждение будет довольно щедрым. Таких денег вы и за год не заработаете. У вас будут средства не только на вполне обеспеченную жизнь, поддержание физических и духовных сил, но и на издание новой книги. Подозреваю, что немало замечательных рукописей залежалось в вашем письменном столе.

– Предложение заманчивое, – ответил я, действительно ощутив интерес, поскольку меня угнетала ситуация, когда готовые к печати рукописи накапливались, не имея выхода к читателям. Короткие в шесть-десять машинописных страниц рассказы иногда удавалось опубликовать в газетах “С места происшествия” и “Керченский рабочий», а вот романы и повести в пятьдесят-сто и более страниц, дожидались своего часа.

Ланцюг заметно оживился, уловив неподдельный интерес в моих глазах, продолжил, взяв со стола лист бумаги с записью. – Мой помощник Устюжин, я вас с ним познакомлю, даже стих сочинил о бедственном положении пишущей братии. Вот послушайте, как говорится, и смех, и грех.

Он глубоко вдохнул воздух и, не отрывая глаз от записи, прочитал:

И не пишется, и не читается,
И не мил мне домашний уют,
Потому, что везде причитается,
Но нигде и рубля не дают...

– Ну, как, попал в “яблочко”?

– Точно подмечено, – улыбнулся я, вспомнив куцые гонорары или отсутствие оных за опубликованные статьи, очерки, то есть элементарное нарушение авторских прав. Но кому до того дело, если сплошь и рядом процветают плагиат и пиратство.

– Видите, какие талантливые люди меня окружают, – не без гордости заметил он. – Я бездарей не держу, на пушечный выстрел их не допускаю. Устюжин, откровенно признаюсь, меня удивил. Я даже не подозревал, что он пишет стихи и очень удачные. А то ведь, как говорят:

сила есть – ума не надо. А у него и сила есть, подковы, как пластилин гнет, и «масло в голове», надежный помощник, на десяток телохранителей его не променяю. Может, и породнюсь, у меня дочь Инга – невеста на выданье.

Он с явным самодовольством отложил в сторону лист бумаги с записью. Я, уже однажды слышавший эти стихи, не стал его разубеждать, что четверостишие принадлежит перу моего приятеля, журналиста полковника милиции Юрия Меньшикова. Пусть и дальше восхищается способностями своего помощника. Чем бы, дитя не тешилось.

– Это деловое предложение, – повторил он, словно запрограммированный. – Было бы глупейшей ошибкой от него отказаться. Только из уважения к вашему писательскому таланту и искреннему сочувствию к трудному положению, я решил, что вы с поставленной задачей прекрасно справитесь.

– В чем ее суть?

– Вам предстоит написать книгу на сотню страниц, не меньше, желательно больше о моей кипучей деятельности на посту мэра города, – не моргнув глазом, сообщил чиновник. – Для иллюстрации издания фотографиями и рисунками, красочного оформления обложки уже подобрана группа фотографов и художник Глеб Верницкий. А вот текст за вами, но чтобы не сухой канцелярский, а красивый, образный с эпитетами и метафорами. Такой возвышенный текст, чтобы не только в сознание, но и в душу читателей проникал. Конечно, Шолохова вам не превзойти, но в меру сил и таланта постарайтесь не ударить в грязь лицом. Ваш труд будет щедро оплачен.

– Щедро оплачен..., – в задумчивости произнес я и решил играть. – А где гарантии, что меня не проведут, не кинут?

– Не к лицу писателю этот бульварный жаргон, – поморщился Ланцюг, нажал на кнопку селекторной связи, услышал отзыв и строго приказал. – Артем Силантьевич ко мне с контрактом на издание книги «Мэр живет ради блага людей».

“Уже и название придумали, видно срочно хотят сотворить этот бестселлер, – подумал я, сообразив, что издание книги является одним из элементов предвыборной агитации и пропаганды, борьбы за симпатии и голоса избирателей. А мое имя, хотя и по редким публикациям в прессе известно читателям. Поэтому кто-то из избирательного штаба и надомил его использовать этот резерв. Да, схватка за кресло мэра предстоит жаркая.”

В кабинет вошел тридцатилетний мужчина с черной папкой в руке. Поздоровался со мною кивком головы и положил папку, предварительно развернув ее перед начальником. Тот жестом велел ему присесть.

– У нас все на законных основаниях, мы ни какая-нибудь шарашкина контора, – промолвил он и подал мне фирменный лист с отпечатанным на лазерном принтере текстом. Я углубился в чтение, из которого понял, что договору-контракту мне поручается в течение месяца написать книгу с условным названием «Мэр живет ради блага людей» о жизни и деятельности Ярослава Ланцюга. Определена выплата денежного вознаграждения / гонорара / в сумме 2000 / две тысячи долларов США. Указано, что контракт после подписания обеими сторонами подлежит строгому исполнению. Сторона, нарушившая условия договора обязуется компенсировать ущерб в размере обозначенного гонорара.

– Хотя, Влад Алексеевич, я убежден, что талант должен быть голодным. Сытый, а значит и ленивый человек, чаще всего неспособен создать шедевр. Это касается литературы, живописи, музыки, скульптуры и других видов искусства, – многозначительно, менторским тоном заметил мэр.

– Вам что же, нужен шедевр? – усмехнулся я.

– Ну, что вы, я реалист, понимаю ваши потенциальные творческие возможности и поэтому на шедевр не рассчитываю, – признался он и, добавив металла в голосе, приказал. – Но из-под вашего пера должна выйти настоящая вещь, большой очерк или документальная

повесть о моих достижениях и заслугах. Имейте в виду, халтура не пройдет, у меня на нее стойкий иммунитет. Поэтому постарайтесь на все сто процентов. Если потребуются словари Даля, Ожегова, то я вас этой и другой энциклопедической литературой обеспечу?

– В этом пока нет необходимости. А заявка весьма серьезная, – вздохнул я. – Мне прежде не доводилось выполнять подобные заказы. Не знаю, справлюсь ли?

– Справишься, справишься. Это социальный заказ, горожане должны знать, как много, не жалея сил и знаний я для них сделал, – с уверенностью произнес Ярослав Гордеевич, словно сам собирался стать автором шедевра. – За такой гонорар, что я приготовил, любой на вашем месте в лепешку расшибется, а заказ обязательно исполнит. Деньги лишними не бывают.

– Не в деньгах счастье, – возразил я.

– А в их количестве, – натянуто улыбнулся он. – Я это понял, сидя в этом кресле. И чем их больше, тем лучше. Аппетит приходит во время еды.

– Должны быть разумные пределы. В могилу все равно не заберешь, ни особняки, ни машины и прочие богатства, – заметил я.

– Оставьте свой черный юмор, – осуждающе покачал он головой.

– В каком издательстве будет выпущена книга?

– Это моя забота. С издательством уже заключен договор, все полиграфические работы оплачены авансом, – ответил Ланцюг.

– Какой тираж?

– Сначала тридцать тысяч, а потом по мере потребности, – с самодовольством сообщил он. – Надеюсь, что эта книга прославит не только главного героя, но автора. Вы тоже, как автор, окажитесь в лучах славы. Одним выстрелом убьете двух зайцев – и деньги, и слава. А будет валюте, значит и красивые женщины, приятный отдых, застолья, развлечения...

– Я – человек сдержанный в чувствах и потребностях, поэтому женщины меня интересуют, как персонажи романов, повестей, стихов, – охладил его пыл.

– О-о, мы этого не слышали, – подмигнул он Устюжину. – Такой видный мужчина, в расцвете не только творческих, но и физических сил и вдруг равнодушен к женщинам. Никому об этом не говорите, иначе сочтут за импотента. Ничто человеческой до последнего смертного часа нам не чуждо. Надо жить весело, полноценно, чтобы было о чем вспомнить на старости лет. Вам сколько стукнуло, Влад Алексеевич?

– Тридцать шесть.

– Вы еще так молоды и половины жизни не прожили. Мне вот сорок пять, а чувствую себя юношей. Не отказывайте себе в земных радостях и удовольствиях. Жизнь коротка и после смерти небыль, тлен. Тем более что писатель из личного опыта и впечатлений черпает сюжеты своих произведений.

– Меня выручает сила воображения, – улыбнулся я.

– На одном воображении далеко не уедешь, – резонно заметил Ярослав Гордеевич. – Для достоверности повествования нужны личные переживания, мысли, а не придуманные.

– Зачем вам книга? О ваших делах, каждом шаге и вздохе почти в каждом номере сообщает городская газета, радио и телевидение? – поинтересовался я. – Вполне достаточно информации для популярности и авторитета.

– Недостаточно, – возразил он. – Для надежности надо использовать все резервы. Газеты, листовки живут один-два дня. Почитали и выбросили в мусорную урну или завернули хамсу и селедку. У людей короткая память. А книгу долго буду беречь, даже тогда, когда нас с вами на земле не будет. Мне ведь не все равно, какая останется память, добрая или плохая, злая.

– О человеке судят по его делам и поступкам, а не по количеству прожитых лет.

– Вот именно, – подхватил Ланцюг. – Поэтому я и хочу, чтобы обо мне шла добрая слава, а не досужие сплетни и слухи, мол, он главарь мафии и тому подобное. В городе есть, кому распространять клеветнические слухи, порочить мое доброе и честное имя, чтобы вывести меня

из равновесия, спровоцировать на скандал. Вы думаете, мне приятно, когда дикие невероятные слухи доходят до ушей моей девятнадцатилетней дочери Инги, когда на нее указывают, что она дочь криминального авторитета. Жена к таким невероятным слухам привыкла, у нее стойкий иммунитет, а вот у девочки душа ранима. Ее надо оградить от клеветы, раз и навсегда. Этой книгой мы заткнем глотки моим недругам, которые бы с удовольствием сплясали бы на моей могиле гопака. Но я не скоро предоставлю им это удовольствие. Я им всегда отвечаю: не дождетесь! Пора из пассивной обороны переходить в атаку. И первым таким залпом будет книга.

– А вторым? – поймал я его на слове, заметив его налившееся кровью лицо, вспотевший лоб.

– Не будем так далеко загадывать, – решил он не раскрывать карты. – Мой арсенал еще не исчерпан.

– С положительной информацией о кандидате может выйти перебор, – напомнил я нередкие случаи в тактике предвыборной борьбы. – И тогда сработает эффект бумеранга, вместо поддержки, охлаждение.

– Это тоже не ваша забота. На меня работает группа специалистов, в том числе зарубежных по избирательным технологиям, компромату, черному пиару. Ваше дело – книга. Она должна появиться в срок, не позже, как через месяц. Могу вам сейчас в качестве аванса выдать до тысячи долларов, чтобы не испытывали дискомфорта и проблем?

– Нет, благодарю, – отказался я. – Никому никогда не был должен. Это неприятное ощущение быть в зависимости.

– Понимаю, понимаю, творчество требует свободы, вдохновения, полета мыслей, – усмехнулся он. – Раз так, то творите. За месяц срубите две куска. Рыбакам, что добывают рыбу за тысячи миль от родных берегов, за такие деньги приходится почти год в штормовых морях и океанах болтаться, рискуя пойти на дно.

“Конечно, о таком гонораре сейчас остается только мечтать, – подумал я. – Прежде у автора не болела голова о том, будут ли распроданы его книги. Впрочем, таких проблем не возникало, ведь книги были дешевыми и доступными многим гражданам и поэтому быстро раскупались. Гонорар выплачивался сразу же после издания книги. И тогда, действительно, рабочее место прозаика, поэта и драматурга было за письменным столом, а не за прилавком.

Я почувствовал, что Ланцюг пристально наблюдает за выражением моего лица, несколько смутился пронизательного взгляда его маленьких вьедливых зрачков.

– Вам остается скрепить контракт своей подписью, – с нетерпением поторопил он меня. – Вот вам ручка с золотым пером, смелее. Выпьем по такому торжественному случаю по бокалу шампанского или коньяка и вперед за работу, время не терпит.

– Все прекрасно...

– Вот и замечательно, – не дал он мне закончить предложение. – Вы – умный, деловой человек, другого ответа я от вас и не ожидал. Справитесь в срок, отвалю солидную премию, будете жить, как кум королю...

Он перевел дыхание, собрался с мыслями и продолжил:

– Возможно, у вас есть недруги, лютые враги, которые притесняют, угрожают, житья не дают, так вы не скромничайте, скажите. Мы им быстро рога обломаем. Я обеспечу вас охраной. Могу подарить вам газовый пистолет. Вам журналистам, писателям даже по закону для самообороны разрешено оружие. Все-таки профессия нынче опасная, связана с риском для жизни и здоровья. Острога печатного слова все боятся, как чумы.

– Да, слово способно и возвеличить, прославить и с таким же успехом ославить и больно ранить, если не убить, – согласился я.

– Вот посему я очень опасаясь за вашу драгоценную жизнь, – с озабоченным выражением лица, мэр приподнялся с кресла и подошел к небольшому сейфу в углу кабинета. Нажал на

кнопки кодового замка, открыл тяжелую стальную дверцу и обернулся ко мне с самодовольной улыбкой и шутливо, спросил. – Может, вам не газовый, а боевой вручить, конечно, не орден, а пистолет Макарова или ТТ? Здесь у меня стволы на любой вкус. Так что соображайте, пока не передумал.

Я увидел на полке тускло поблескивающие вороненой сталью пистолеты с рукоятками, рядом снаряженные патронами магазины и ответил:

– У меня к любому оружию скептическое отношение. Все, что направлено на уничтожение человека, всего живого в природе вызывает протест.

– Религия не позволяет брать оружие или пацифист по убеждению?– ухмыльнулся он.– В армии хоть служили, Родину-мать готовы защищать?

– Где она теперь эта Родина, бывший великий Союз канул в Лету, разве что Россия, которая остается надеждой и верой для русского человека,– вздохнул я.– А оружие мне вроде и не к чему. Для его ношения требуется разрешение органов разрешительной системы милиции. Я не религиозный фанатик и не пацифист, верю в жизнь и здравый смысл. С оружием хлопот не оберешься, придется пороги обивать да презенты делать.

– Проблем с разрешением на ношение не возникнет,– заверил мэра. Закрыв дверцу сейфа, возвратился в уютное кресло.– Милиция, прокуратура у меня в кулаке.

В подтверждение он плотно сжал короткие пальцы и чуть не грохнул кулаком по поверхности стола и в следующий момент потянулся к телефонной трубе.

– Так мне позвонить полковнику?

– Нет, не надо,– остановил я его и пояснил.– Спасибо за заботу, но я человек мирный, не конфликтный, никого шибко своими публикациями не задеваю. Герои моих романов, повестей и рассказов – вымышленные и если кто-то в них узнает себя, то это его личные проблемы. А с оружием могут возникнуть непредвиденные ситуации.

– Какие еще ситуации? – насторожился он.

– Не исключено, что кто-то из отморожков узнает о наличии у меня пистолета и постарается любым способом им завладеть. Так, сам того не подозревая, могу стать объектом для нападения с непредсказуемыми последствиями. Поэтому не вижу смысла подвергать свою жизнь и здоровье риску.

– Пожалуй, вам не откажешь в логике. Но, если вдруг понадобится ствол либо какая другая помощь, обращайтесь в любое время суток. Устюжина и его бойцов по спортклубу “Митридат” подниму среди ночи. Знайте, что в обиду не дадим. Мы своими людьми дорожим, не допустим притеснений.

– Что, я уже ваш человек?

– Хотелось бы надеяться, что так,– мягко произнес он, а я успел подумать “мягко стелет, да жестко будет спать”. Между тем Ланцюг продолжил:

– Наслышан, что писатели, поэты, художники – народ своенравный, строптивый, вольнолюбивый, не терпящий над собой власти, диктата. Полагаю, что вы не из их числа, мы без проблем найдем общий язык. Деловые серьезные люди всегда сумеем договориться, не доводя дела до абсурда, а отношения до вражды. Мы с вами прагматики, а не романтики, видим жизнь такой, какая она есть со всеми прелестями и пороками, а не через очки с розовыми стеклами. Так ведь?

– В принципе так,– согласился я и слегка подкорректировал.– Однако без романтики, поэзии и лирики жизнь теряет свое очарование и магию таинственности. Поэтому прагматизм не следует доводить до крайности. Всего должно быть в меру и прагматизма, и романтизма.

– Вы, хитрый дипломат,– усмехнулся Ярослав Гордеевич. – Вам бы в МИДе советником работать или где-нибудь послом под прикрытием, чтобы одновременно шпионить за буржуями. Умеете излагать мысли тонко и виртуозно, никого не обижая, ни то, что некоторые дубины

стоеросовые из моего окружения. Давно собираюсь провести чистку, избавиться от бездельников, интриганов и кротов, сливающих информацию чекистам.

– Спасибо за оценку моих скромных достоинств, – ответил я. – Дипломатия, как и политика – это искусство компромисса, удел избранных. Делая временные уступки, они нередко одерживают победы, соразмерные с триумфом. – Мне импонирует, что у вас нет врагов, что никому не успели насолить, никому не перешли дорогу, – признался он. – А я вот не могу жить без врагов, без адреналина в крови. Тем более что есть много желающих занять, а точнее, захватить это кресло. Недаром вождь мирового пролетариата говорил, что власть легче взять, чем потом ее удержать.

Я боец по натуре, мне необходима схватка, ощущение опасности, чтобы быть в отличной спортивной форме. Выборы на носу и любая слабость, как физическая, так и интеллектуальная, на пользу моим соперникам. Поэтому по совету умных людей я и призвал вас под мои знамена. Вы об этом не пожалеете, щедро отблагодарю, в моих руках бюджет. Страна, как говорится, должна знать и ценить своих героев.

– Герой это вы, а я скромный раб пера и бумаги.

– Не скромничайте, у вас божий дар. Не каждому дано, так искусно владеть пером, – возразил Ланцюг, обернулся к смиренно молчавшему Устюжину. – Вели Алевтине Федоровне устроить маленький фуршет. Это дело надо обмыть.

– Все прекрасно, но меня смущает несколько нюансов, – потянул я оборванную нить предложения и увидел, как тень легла на его некогда добродушное лицо.

– Какие еще могут быть сомнения между деловыми людьми? – насторожился он, жестом руки остановив у самой двери Артема Силантьевича.

– Во-первых, невозможность одностороннего разрыва договора. Ведь в этом пункте не учтен ряд обстоятельств, – заметил я.

– Каких еще обстоятельств!?! – подался он вперед грудью в белой сорочке с выпирающим брюшком.

– Например, болезнь или неожиданная кончина автора. Получается, что его родственникам придется в таких случаях выложить две тысячи долларов. Это кабальное, неприемлемое условие, оно грозит автору полным разорением.

– Вы – крепкий мужчина в полном расцвете физических и творческих сил, – упрекнул меня Ярослав Гордеевич. – Поэтому никакие обстоятельства, а тем более болезнь и смерть не помешают. У вас будет отменное питание, идеальные условия для творчества. Хотите, работайте дома, а если нет, то устроим вас в престижный санаторий или дом творчества в Ялте? А если опасаетесь за свою драгоценную жизнь, то обеспечу охраной?

– Нет уж, я не привык к роскоши и достатку, а дома и стены помогают, – отказался я от предложения. – К тому же сытость и комфорт расслабляют человека, делают его ленивым и флегматичным, не стимулируют вдохновение. Только те прозаики, поэты, живописцы и музыканты, за редким исключением, которым жилось тяжело, смогли создать шедевры мировой литературы и искусства. Без напряженного труда любой талант обречен на угасание.

– От вас не требуется шедевр, – с заметным раздражением сказал мэр. – Нужна добротная, убедительная по содержанию книга, чтобы горожане поняли, кто денно и нощно заботится о приумножении их благ, кто жертвует личным временем для решения их насущных проблем.

– Все же я предлагаю пункты о невозможности расторжения договора и обязательной компенсации исключить, – не уступал я.

– Однако, какой вы принципиальный, – угрюмо произнес он. – Хорошо, будь, по-вашему. Теперь надеюсь все прекрасно?

– Слишком короткий срок для выполнения заказа, всего месяц, – посетовал я и пояснил. – Понимаете, художественное произведение, а вы предложили большой очерк и повесть, строго по плану не пишутся. Необходим душевный настрой, вдохновение. Бывают такие пери-

оды, когда за целый день, а то неделю, ни одной строки из-под пера не выходит. В этот период идет накопление информации, мыслей, наблюдений для рождения сюжета. А бывает, что в течение нескольких недель, месяца два рождается роман или повесть. Вдохновение, словно капризная женщина, очаровывает тебя, а потом надолго оставляет. У каждого писателя своя творческая лаборатория, свой стиль. Попробуй-ка, поймай Жар-птицу удачи.

– Время не терпит, выборы на носу. Некогда гоняться за Василисой прекрасной и Жар-птицей, – грубо оборвал меня чиновник.

– Через месяц рукопись должна лежать на моем столе. Дорога ложка к обеду.

– Не все так просто, я должен вжиться в образ своего героя, – выдвинул я следующий аргумент. – Мне надо о вас узнать, как можно больше, характер, привычки, поступки, стиль работы, круг интересов и другие детали. А для этого надо чаще быть рядом, видеть вас в эпицентре событий, в стихии повседневной кипучей работы.

– С этим проблем не будет, окунетесь в стихию, – заверил он. – Я – человек прямой, открытый и справедливый, не ношу булыжников за пазухой. Мне нечего скрывать, свой хлеб ем не напрасно.

– Не уверен, что оправдаю ваши ожидания, – признался я. – Писать романы, повести, рассказы несколько легче, так как автор не ограничен в художественном замысле. А вот о конкретном человеке все должно быть документально правдивым, точным, без всяких фантазий и фальши. Дайте мне дня три для размышления, чтобы я мог взвесить свои творческие возможности. Смогу ли написать, чтобы содержание вас устроило.

– Два дня, – не допускающим возражений тоном, разрешил он. – И имейте в виду, Влад Алексеевич, на вас свет клином не сошелся. Есть немало желающих заработать на этой книге. Я мог бы даже объявить конкурс, но не стал этого делать. Решил дать вам шанс поправить свое материальное положение.

– Почему бы вам не предложить этот заказ кому-нибудь из журналистов? – не унимался я. – Они пишут быстро, не дожидаясь вдохновения. Газета приучает к оперативности.

– Знаю, я этих льстивых и лукавых шелкоперов, – отмахнулся Ланцюг. – Пишут, конечно, быстро, иногда даже опережают события, заготовляя разные там “болванки”, сухим штампованным языком, как будто под копирку. А мне нужен сочный, яркий язык, чтобы за живое читателя брало и подолгу в сознании засело. Настоящая литература, которую время не берет, как вино. Чем больше лет, тем крепче ценнее. Я убежден, что такую книгу способны написать только вы.

– Благодарю за доверие, подумаю над предложением, – пообещал я и направился к двери. Устюжин посторонился, уступая мне дорогу. Фуршет не состоялся.

Уже находясь в своей квартире, я задумался над предложением, довольный тем, что не бросился сломя голову, а взял тайм-аут. Может, действительно согласиться на этот заказ, хотя душа к нему не лежит, – подумал я. – Получив гонор, наконец, смогу успешно решить свои издательские проблемы. Слишком долго рукописи ждут своего часа. Надо издать уже созданное, наберется на две-три полновесные книги любовно-криминальных историй, сборники потешных рассказов и стихов. Это сделает мое имя популярным, а иначе зачахну в неизвестности.

С другой стороны нет никакого желания попасть в экономическую зависимость чиновника. Придется улаживать его амбиции и капризы, теряя творческое имя, превратившись в мелкого придворного писаря. Настоящий писатель должен быть свободен в выборе темы, никто не смеет навязывать ему свою волю. Творчество не терпит диктата и насилия. Но обстоятельства нередко довлеют над принципами.

2. Жестокий стиль

На исходе второго дня, когда истекал отпущенный мне на раздумья срок, Ланцюг позвонил сам и напомнил. Я все-таки под его напором дал согласие на сотрудничество. На это решение меня подвигла не столько возможность заработать, сколько творческий интерес к личности Ярослава Гордеевича, азарт человека, истосковавшегося по приключениям. Я интуитивно почувствовал, что могу оказаться в гуще событий, которые, возможно, станут сюжетом, фабулой для увлекательной повести. Но в целях подстраховки настоял на том, чтобы договор был заключен на мой литературный псевдоним Жарков. Он для значимости заупрямился, но потом согласился, пожурив для острастки.

– Упрямый все-таки вы народ – писатели, творческая богема. Все норвите по-своему сделать. Нет на вас никакой управы.

– Писатель тем и отличается, что у него свой взгляд на события, явления жизни и природы, – парировал я. – Он художественно осмысливает действительность.

– Если так, то пора вам вживаться в образ, – велел он. – Завтра в десять часа я провожу аппаратное совещание, поэтому прошу не опаздывать.

– Хорошо, я человек пунктуальный, – заверил я его.

– Это мне нравится, – похвалил он. – Больше всего почитаю дисциплину и порядок. Может вас все же устроить в какой-нибудь элитный санаторий? «Южный», «Россия» или «Ай-Даниль»?

– Нет, я слышал, что сутки проживания в «Южном» обходятся в двести долларов, – поделился я информацией. – Поэтому обойдемся без лишних затрат.

– Чудак вы, Влад Алексеевич, альтруист, – рассмеялся он. – Вам шикарный отдых, ничего не будет стоить. Найду в бюджете статью расходов на представительские цели, и выкиньте мысль о затратах. Считайте с моей стороны путевку, жестом доброй воли. Отдых в бархатный сезон – одно удовольствие. Море, солнце, женщины, пылкие курортные романы... Впрочем, вам нельзя отвлекаться, расходовать энергию и эмоции на соблазнительных женщин.

– Нет, никому не хочу быть обязанным, – твердо ответил я.

– Будь, по-вашему, но я не снимаю этот вопрос с повестки дня. После того, как выполните заказ, мы к нему возвратимся, – многообещающе заверил он.

На следующий день, без пяти минут десять, я был в зале заседаний. Сел почти в последнем ряду, чтобы лучше было наблюдать за происходящим. Сотрудники аппарата заполнили кресла. При появлении Ланцюга в дверях дружно встали и, устремив взоры, проводили его умиротворенными взглядами до стола президиума. Я тоже вынужден был подняться с места, чтобы не выглядеть белой вороной. Опершись руками о стол, Ярослав Гордеевич небрежным жестом велел всем присесть. Удостоверившись, что я на месте, он кинул головой и сообщил:

– Сегодня на нашем совещании присутствует журналист и писатель Жарков Влад Алексеевич. Поэтому прошу всех настроиться на плодотворную работу, вести себя корректно, отвечать по существу, кратко и конкретно, чтобы у него сложилось благоприятное впечатление о плодотворной работе сотрудников нашего аппарата. Отключить всем мобилки, иначе конфискую или разобью. Отставить лишние разговоры.

Я почувствовал себя неловко, оказавшись в центре внимания. Но этот интерес быстро пропал.

– Итак, все ли на месте? Никто не опоздал? – он обвел беглым взглядом притихших, даже затаившихся сотрудников и обернулся к женщине-секретарю из протокольной части:

– Екатерина Павловна, доложите.

– Все, – тихо произнесла она и подала ему список сотрудников с пометками. Мэр убедился в верности ее ответа и поднял, круглую, словно шар голову.

– Мы собрались, чтобы обсудить текущие дела и проблемы. В который уже раз акцентирую ваше внимание на необходимости строжайшего соблюдения исполнительской дисциплины. Все вы находитесь на государственной службе и поэтому должны четко и беспреко-

словно выполнять все мои указания и распоряжения. Может, у кого-то на сей счет, есть свое мнение, предложения, возражения?

Зал молчал, покорно внимая словам оратора.

– Итак, начнем разминку, – он деловито положил пухлые руки на стол. – Надеюсь, все готовы по своим курируемым отделам и службам держать отчет?

В ответ аппаратчики усердно, словно тараканы ночью, зашуршали бумагой, справками, туго соображая, кому на этот раз отведена роль “именинников”.

– Максим Андреевич, – после трехминутной паузы и изучения лиц подчиненных, поднял с кресла начальника отдела транспорта и дорожного хозяйства. Тот стал, переминаясь с ноги на ногу, беспокойно кивая головой. Разгладил рукой по-цыгански черные усы, тяжело вздохнул.

– Что вы танцуете, как кавалерийская лошадь, – упрек его председательствующий. – Стойте смирно и не отвлекайтесь.

– Я весь внимание, – смутился Максим Андреевич. – Это у меня такая привычка, волнуясь, нервничаю. О деле душе болит.

– Значит, есть повод для волнения, – с явным удовлетворением заметил мэр. – Бог шельму метит. Я редко ошибаюсь, знаю с кого спросить требовать.

– Не ошибаетесь, – согласился подчиненный, только бы польстить начальнику. – У вас профессиональная интуиция, опыт руководителя высокого ранга.

– Так вот ответь мне, каким транспортом с работы и на работу ездешь? – неожиданно спросил Ланцюг.

– Конечно, автобусами, троллейбусами, – отозвался Максим Андреевич, не ожидая подвоха. – Служебный автомобиль использую очень редко. Сами знаете, лимит бензина.

– А я думал ты на вертолете, – грубо оборвал его начальник.

– Почему на вертолете? – не понял тот.

– А потому что ты не замечаешь или не желаешь замечать в каком скверном состоянии дороги на улицах города, в выбоинах, колдобинах, как стиральная доска, по танкодрому, наверное, приятнее ездить.

– Дороги, как дороги, – пожал плечами Максим Андреевич. – Это же вам не автобан с четырьмя полосами движения.

– Не умничай, – повысил голос чиновник. – Ты знаешь, из-за чего Россия во все века страдала? Из-за плохих дорог и дураков. Намотай себе на ус. Пойми, я не о себе забочусь, на «Audi» система амортизации надежная, а о простых гражданах. Каково им в переполненных автобусах в тесноте и тряске. Такая поездка всю душу вытрясет. Рессоры лопаются, автобусы выходят из строя. Ты же у нас не только за дороги, но и транспорт отвечаешь.

– Моя служба не виновата, – мягче, чтобы не вызвать на себя гнев, произнес Максим Андреевич. – Ремонтники едва успевают дыры латать, асфальт укладывать. Водопровод, канализация то в одном, то в другом месте рвутся. Да еще частники, владельцы пивных баров и других курятников самовольно норовят подключиться к водопроводу. Грунт оседает, отсюда и выбоины.

– О курятниках мы еще поговорим, хорошо, что напомнил, – заметил Ланцюг. – Даю тебе срок, месяц на устранение недостатков. Не выполнишь – полетишь с должности. Екатерина Павловна запишите в протокол мое предупреждение. Затем небрежным жестом велел Максиму Андреевичу присесть.

– А ты что скажешь, Наум Яковлевич? – поднял он седовласого, но не по годам прыткого начальника жилищно-коммунального хозяйства. – Почему твои подчиненные довели водопроводно-канализационную систему до такого плачевного состояния. Фекалии, прочие отходы город заливают, загрязняют речку Приморскую. Вместо аромата роз, сирени и акации горожане вынуждены вдыхать зловония. Благо хоть морской ветер, норд и бриз с пролива освежает, а то совсем бы люди очумели от “ароматов”.

– Ярослав Гордеевич, я ведь и раньше перед вами ставил вопрос ребром,– вздохнул Наум Яковлевич.– Требуется не текущий, а капитальный ремонт водопровода, канализации, насосных станций, очистных и других сооружений. На некоторых участках разводящие сети, которым уже четверть века, не подлежат ремонту, требуют срочной замены. Вы же знаете, какая агрессивная среда, изоляция не спасает, коррозия ест металл. Трубы не выдерживают давления, лопаются. Отсюда частые порывы, разрывы дорог...

– А ты не повышай давление, чтобы трубы не лопались, – посоветовал мэр. – Может, специально вредишь, устраиваешь саботаж, чтобы настроить против меня людей? Так я поручу органам разобраться.

– Упаси Господь, что вы такое говорите, – встревожился Наум Яковлевич.– Если я понижу давление, то до верхних этажей вода не дойдет. И без того жители сел Аджимушкой и Опасное страдают из-за дефицита воды. Доставляем ее водовозками. Все инстанции жалобами завалены. Приходится из двух зол выбирать меньшее. Нужен основательный ремонт, большие капвложения, а не латание изъеденных коррозией труб.

– На это денег в казне нет, – хмуро отозвался мэр.– Мобилизуй свои внутренние резервы, если тебе, Наум Яковлевич еще дорого кресло, а то живо подыщу замену. Ты у нас уже три года, как на пенсии. Сядешь на голую пенсию, по-другому запоешь, узнаешь, почему фунт лиха. Подумай, как использовать артезианские скважины в поселках Аршинцево и Баксы.

– Я вас понял, можете не продолжать, – засуетился тот. – Постараюсь изыскать резервы. Я еще не стар, женщинам нравлюсь и чувствую в себе силы и энергию.

– Так и трудись, а не дремли, если такой энергичный. Не забывай засыпать я и укладывать асфальт. Запишите ему тоже срок, что и Максиму Андреевичу, по ликвидации недостатков. Пусть сообща подумают, как выйти сухими из ситуации. Я бездельников на казенных деньгах долго держать не буду. А теперь поговорим о курятниках.

В зале воцарилась напряженная тишина. Взоры устремились на Ланцюга, в гордом одиночестве восседавшего за столом президиума. «Да он ощущает себя в бюрократической среде, как рыба в воде,– подумал я.– Каждому дает понять, что его судьба зависит от его настроения и воли. Не хотел бы я оказаться на месте этих запуганных, но изворотливых аппаратчиков. Но, как говорится, каждому свое».

– А куда вы смотрите, Клара Львовна?– поднял он с места начальника управления торговли и бытового обслуживания полнотелую, коротконогую женщину с высокой медно-рыжей прической—шиньоном, едва уместившаяся в кресле. Она со страхом и трепетом уставилась на него своими по-воловы большими глазами. Оглянулась по сторонам, ища поддержки и сочувствия.

– Куда вы смотрите, возмнив себя барыней? – повторил он властно.

– На вас,– робко улыбнулась дама.

– Я не икона, чтобы на меня смотреть, вы лучше исполняйте свои функциональные обязанности, – посоветовал он.

– Планы по товарообороту и внедрению новых услуг выполнены,– начала было отчитываться Клара Львовна, шевеля ярко накрашенными помадой губами.– Несмотря на низкую платежеспособность покупателей с поставленными задачами работницы прилавка и сервиса успешно справляются...

– Да я не о том спрашиваю, проснись,– грубо оборвал ее чиновник.– У вас под носом, на каждом шагу курятники-киоски, как грибы после дождя, вырастают, а вы и бровью не ведете. Блошинные стихийные рынки, антисанитария. Мало того, что портят архитектурный облик города, так еще и налоги в бюджет от прибыли не платят. Развели анархию, поэтому и казна пуста.

– Так это, любезный Ярослав Гордеевич не по моему адресу критика и претензии,– облегченно вздохнула она пышным торсом.– Эти вопросы в прямой компетенции архитектора,

санэпидемстанции и налоговой инспекции, а моя забота – товарооборот, ассортимент и прибыль.

– Ах, как вы изловчились стрелки переводить. Моя хата с краю, ничего не знаю, – осадил ее мэр. – С ними я еще разберусь, но и вы не должны оставаться в стороне. Попросили бы в ДРСУ бульдозер и сгребли бы к чертовой матери все курятники, я бы вас только поощрил за решительность. А вы ждете, пока гром не грянет. Гляжу, тяжелы вы стали на подъем, эко разнесло, словно на дрожжах. Всех заставлю спортом заняться и нормативы по легкой атлетике сдать. Обросли лишним мясом, жиром мозги заплыли, плохо соображают, поэтому и работаете вяло из-под палки.

– Какая из меня спортсменка в пятьдесят то лет, – едва не плача, прошептала Клара Львовна. – Разве что ядро или диск метать, на первых шагах удар хватит.

И густо покраснела, закрыв лицо белым в кружевах платочком. “Круто он взял ее в оборот, – подумал я. – Да и с другими не церемонится.

– Господа чиновники, если кого-то из вас не устраивают работа, мои законные требования – заявление на стол и шагом марш на все четыре стороны. – сурово изрек Ланцюг, не проявив к женщине милосердия. – Свято место пусто не бывает. Претендентов на каждое кресло хоть отбавляй. В шеренгу выстроились в ожидании очередной вакансии. Может, кто-то недоволен, есть возражения?

Мэр, на секунду-другую задерживая взгляд на лицах, зорко оглядел подчиненных и с удовлетворением произнес:

– Молчание – не только золото, но и знак согласия. А теперь живо по рабочим местам, дорога каждая минута. Шагом марш!

Я надеялся, готов был услышать следующую команду “с песней”, как в армии, но мэр смолчал. Аппаратчиков из зала заседаний, словно ветром сдуло. Видимо, никто из них не рискнул замешкаться, дабы не попасть под горячую руку ретивого начальника. Он ведь мог нерасторопного чиновника задержать и дать ценное указание.

– Ну, как, Влад Алексеевич? – довольный собою, поинтересовался он у меня. – Поддал я им жару, теперь будут работать с энтузиазмом. Хотя бы раз в неделю им нужна взбучка, стимулятор, иначе обленятся, на шею сядут и станут погонять. Это, как в поговорке, когда собакой вертит хвост. Не так ли?

Если бы он не призвал меня в союзники своей методы, то я бы, наверняка, воздержался от комментария, негативного впечатления от совещания. Но мэр намеревался услышать от меня лестный отзыв. Я выдержал паузу, собираясь с мыслями и решая, стоит ли мне откровенничать. Впрочем, я не его подчиненный, чтобы испытывать патологический страх за потерю рабочего места и другие неприятные последствия.

– Ярослав Гордеевич, я не вправе вмешиваться в дела вашей компетенции, в методику управления и отношения к подчиненным. У вас и без меня хватает советников, – начал я не спеша. – Но мне кажется, что вы жестоко обошлись с этой начальницей управления торговли Klarой Львовной. Незаслуженно обидели женщину, задели ее внешние качества.

– Не жестоко, а жестко, – с явным недовольством поправил он. – Вам бы, как литератору, следовало различать нюансы. Это мой стиль руководства. А вы предлагаете нянчиться с ними, играть в бирюльки. На шею сядут и кнутом погонять станут. Поэтому для пользы дела лучше, если этот кнут будет в моих руках. А требую строго с целью профилактики, чтобы на будущее неповадно было. Пора вам, инженеру человеческих душ, понять, что женщина, когда у нее нет веских аргументов в свое оправдание, прибегает к такому эффективному средству, как слезы, обмороки и т.д. Но Москва слезам не верит, я тоже. У меня эти штучки не проходят.

– Но все-таки она женщина, тонкое, ранимое существо. Надо было бы мягче, с уважением и доверием к людям, – не согласился я с его доводами.

– Для меня в аппарате нет разделения на мужчин и женщин. Есть сотрудники, призванные четко исполнять свои функциональные обязанности.

– Словно бездушные роботы, – усмехнулся я.

– Прошу не утрировать, – оборвал он. – Вы думаете, что меня вышестоящее начальство по головке гладит, комплименты нашептывает? Как бы, не так. По всей вертикали власти жесткие требования, иногда доходит до матерщины. Я со своими сотрудниками еще деликатно обращаюсь. За три с половиной года, которые я правлю, еще никто из них добровольно не подал в отставку, не написал заявления. Значит, их вполне устраивает мой стиль, конечно, не без закручивания гаек. Крепкое слово быстрее доходит до сознания исполнителя. Сентиментальностью, сюсюканьем и заигрыванием с подчиненными любое дело загубишь, хорошей каши не сваришь.

“Да, суровый кашевар, – подумал я с грустью. – Его похлебка в горле колом станет и когда-то терпение людей может лопнуть.”

– Все же люди заслуживают достойного обращения и уважения, – не отступал я. Он хмуро исподлобья взглянул на меня, словно впервые увидел и медленно процедил:

– Влад Алексеевич не отвлекайтесь на мелочи, не акцентируйте на них свое внимание. Быстрее вживайтесь в образ. Время не терпит. Наверное, привыкли писать по настроению, вдохновению, а для меня оно на вес золота. Книга должна быть написана в срок. Это вопрос принципа и долга.

3. Прелестное создание

— Влад Алексеевич! – ни свет, ни заря разбудил меня телефонный звонок Ланцюга. – Вы меня в работе видели?

– Да видел, имел такое счастье, – ответил я иронично, не зная, куда он клонит.

– Правда, хорош, убедителен, тверд, как кремь?

– Силы воли, твердости характера вам не занимать.

– Время такое, всех в кулаке надо держать, иначе дело не сдвинется с мертвой точки. Чиновник, бюрократ ленив по своей природе, потому что в отличие от людей, работающих на сельщине, высокая зарплата, премия и другие надбавки ему гарантированы. Нет смысла слишком напрягаться. Это, как в армии, солдат спит, а служба идет, – пояснил он. – А позвонил я вот по какому поводу. Приглашаю на рыбалку с ухой и шашлыками. Заодно увидите, как в очень редких случаях, провожу свой культурный досуг.

– Я планировал поработать над очерком, – произнес неуверенно, не испытывая желание часто общаться с заказчиком.

– Еще успеете поработать. Вы получите массу ярких впечатлений и положительных эмоций, вдохновитесь на творческий интенсивный труд, – пообещал чиновник. – Даю вам десять-пятнадцать минут на сборы. Машина будет ждать у подъезда.

– Что с собой взять? Рыбацкие снасти, провиант?

– Все есть, и деликатесы, и напитки, и снасти, – рассмеялся он. – Прихватите с собой плавки, если изъявите желание покупаться и позагорать. Яхта в нашем полном распоряжении.

– Яхта? Не слишком ли расточительно? – заколебался я. – Можно было бы обойтись весельной лодкой или с берега поудить, как это делаю на Бочарке. За яхту ведь потребуют плату?

– Эх, Влад Алексеевич, о чем вы печалитесь, – снова рассмеялся он. – И много вы с берега наловите? Разве что с десятков мелких бычков, да зеленух. Мы с вами не туземцы, чтобы натирать мозоли на веслах, заслужили отличный отдых, который надолго запомнился. Не надо себе отказывать в земных удовольствиях. Если даже нам потребуются теплоход или катер, то по первому звонку предоставят. У меня с этим осечек не бывает, все в наших крепких руках.

Ничего лишнего не берите. Главное – ваше присутствие для точного и тонкого восприятия событий и яркости впечатлений.

Я отыскал свою походную амуницию – потертые джинсы, малинового цвета футболку, кепку и солнцезащитные очки. Взял с собой блокнот и ручку. Вдруг из разговоров удастся выудить россыпи народной мудрости, интересные присказки, афоризмы. Пригодятся для очерка или других произведений.

Сказывают, что в свое время Шолохов в станице Вешенской устраивал праздники, нечто вроде сходов донских казаков с застольями, песнями и танцами. Десяток стенографисток записывали народный фольклор, шутки-прибаутки, пословицы, поговорки. Эти золотые россыпи казацкой мудрости и культуры писатель органично вплетал в яркую сочную ткань своих произведений. Так это было или нет, утверждать не берусь, но способ достойный подражания. Вдруг Ланцог и те, кто будет на рыбалке, блеснут остроумием, либо поведают какую-нибудь интересную байку.

Когда я с пятого последнего этажа, где находилась однокомнатная квартира, спустился в подъезд, то увидел черную “Audi” с четырьмя переплетенными кольцами. Навстречу вышел водитель – коренастый мужчина лет сорока от роду.

– Вы писатель Жарков? – спросил он, я кивнул в ответ. – А меня зовут Георгием, Жорой. Хозяин велел доставить вас на причал. Все в сборе, яхта готова к отплытию. Прогуляетесь с удовольствием.

– Все, это кто? – спросил я, утонув в мягком кресле.

– Через пять минут будем на месте, увидите, – ответил он и тронул с места, уставившись через лобовое стекло на дорогу. Когда нерасторопные водители создавали помехи, Жора включал сирену, машины съезжали на обочину. «Audi» свернула с улицы в переулок, а затем на набережную и остановилась у причала, метров на пятьдесят вдавшегося в залив.

С левой стороны на бетонных сваях, прикасаясь бортом к подвешенным для амортизации старым черным шинам, была пришвартована яхта. Паруса были опущены, но в туго натянутых канатах звенел норд-ост. На борту красовалось название “Пантикапей”. Я направился к группе людей, среди которых узнал Ланцога и его помощника Устюжина.

Они познакомили меня с капитаном яхты бывалым рыбаком Петром Евсеевичем Шелестом. Он был в полосатой тельняшке и темно-зеленых шортах. Я прикинул, что капитану лет под шестьдесят, но выглядит он бодро. У него суровое лицо, седые просоленные морскими ветрами и волнами пышные усы. Ощутил его крепкое рукопожатие, заметив узловатые, жилистые руки.

– А эта юная леди, моя дочь Инга, – представил мэтр стройную девушку. – Услышала, что среди нас будет писатель, вот и напросилась на рыбалку, непоседа. Студентка, девятнадцать лет. Выше среднего роста в белой блузке и фиолетовых джинсах. Милое овальное лицо, обрамленное каштанового цвета волосами. Она с нескрываемым любопытством взглянула на меня зеленовато-голубыми глазами, протянула изящную руку и, приоткрыв сочные нежные губы, произнесла:

– Инга.

– Влад Жарков, – ответил я, почувствовав ее теплую ладонь, и задержал ее дольше обычного. Она не отняла, только загадочно улыбнулась.

– До сих пор бы, наверное, в постели нежилась, – пояснил Ярослав Гордеевич. – Но слово «писатель» на нее подействовало, как звук боевой трубы. Вот как вашего брата, Влад Алексеевич, почитают, любят, даже зависть берет. Чиновников, бюрократов хоть пруд пруди, а писатель, довольно редкая и загадочная персона. Так ведь, Инга?

– Ценю мастеров литературы и искусства, – дипломатично ответила девушка. – Они окружены аурой таинственности, а меня привлекают загадочные личности.

– Остальной экипаж матросы, машинист, радист, обслуга, – указал Ланцюг на нескольких бравых шоколадно загоревших ребят, снующих по палубе. Я обратил внимание на безупречный вид чиновников: белые сорочки, светлые брюки в “стрелочку” и итальянские туфли. Собрались, словно на светский банкет.

– Или я вас неправильно понял, – сконфузился я, окинув свое затрапезное простецкое одеяние. – Мы, кажется, собрались не в театр, а на рыбалку. Господа, где ваши удочки, спиннинги?

– Вы, что всерьез собираетесь рыбу удить? – на сей раз, удивился Ярослав Гордеевич.

– А как же в этом суть рыбалки, ее азарт и восторг.

– Вы меня удивляете. Без нас, есть, кому рыбу ловить. Пожалуй, уха и шашлыки из краснюка готовы, – сообщил он. – Не царское это дело сидеть с удочкой, наша забота – дегустация и отдых. Но, если вы желаете ощутить азарт рыбака, то ради Бога. Удочка или спиннинг у нас найдутся, так ведь, Петр Евсеевич?

– Верно, всегда при мне, на яхте, – отозвался капитан. – На досуге иногда забавляюсь. Коту Степке десяток-другой бычков промышляю. Не все же ему масленица в виде заморских кормов в пакетах. Вот выплывем в Азов и там вы, Влад Алексеевич обязательно отведете душу. А в заливе бычков не густо. Ну, что, Ярослав Гордеевич, прикажите отчаливать?

С причала по мостику мы поднялись на палубу яхты.

– Отдать швартовые! – приказал матросам Шелест. На палубу полетели концы канатов, пойманные на лету ловкими матросами. Ровно заработал двигатель и яхта, взбурлив гребным винтом воду, отошла от причала.

– Хочу плыть под парусами, – через несколько минут, когда набережная с белой ротондой-беседкой и с домами на склонах горы Митридат отделились, заявила Инга. Лазурная волна ласково плескалась и билась о корму судна.

– Как скажите, начальник? – обернулся капитан к мэру.

– С дочерью лучше согласиться, – улыбнулся он.

– Так бы и раньше, – просияли глаза девушки. – Зачем жечь топливо, когда есть паруса. С ними красиво, романтично.

– Поднять паруса! – приказал капитан и трое матросов бросились выполнять команду. Вверху, сначала на грот-мачте, а затем на фок и бизани захлопали белые полотнища и, пойманный ими ветер, слегка накренил судно.

– Великолепно! – воскликнула Инга, запрокинув вверх голову к упруго зазвеневшим под напором ветра парусам. – Вот если бы алые, как у писателя Грина...

– Но тогда пришлось бы Петра Евсеевича поменять на капитана Грзя, а вас, Инга назвать Ассолью, – напомнил я ей героев знаменитой феерии “Алые паруса”. Яхта, словно ножом разрешила набегавшие от таманского берега волны. По правому борту остался мыс Ак-Бурун и плоский остров Тузла с рыбацкими строениями.

В отдалении виднелась в золотистой дымке солнца обрывистая желтовато-бурая полоса таманского берега. Где-то там юная контрабандистка чуть не утопила Печорина. Наша яхта пересекла маршрут дизель-электрохода, курсирующего между пристанями паромной переправы «Крым – Кавказ» и, обогнув мыс Еникале со старой турецкой крепостью, вошла в Азовское море.

– Сейчас вместо легкого завтрака маленький фуршет, – сообщил Ланцюг, пригласив в кают-компанию. – Вы, Влад Алексеевич, наверное, не успели позавтракать?

– Увы, нет, даже чашку кофе не выпил, – ответил я. – Вы ведь меня по тревоге подняли.

– Оперативность в любом деле полезна, – улыбнулся он. – Лучше аппетит будет, сейчас наверстаете упущенное.

Спустились в небольшую кают-компанию с холодильником и телевизором. Инга помогла накрыть на стол: шампанское, коньяк, сухое и крепленое вино, пиво, бутерброды с икрой и сыром, овощи, фрукты.

– Давай, Артем, разливай,– велел мэр Устюжину. – Начинай с шампанского.

Тот наполнил бокалы, но Шелест свой бокал прикрыл ладонью.

– Что ж ты, морской волк, не примешь на “грудь”? – с укоризной взглянул на капитана хозяин.

– Я при исполнении, сухой закон,– отказался тот.

– Так и выпей сухое, или Алиготе. Для здоровья полезно, врачи рекомендуют.

– Разве что пиво “Петрович”, – согласился капитан.

– Уважаю людей твердых, принципиальных,– похвалил его Ярослав Гордеевич. Мы выпили шампанское, затем коньяк, закусили бутербродами с сыром, колбасой. Я наблюдал за Ингой. Ей явно не сиделось на месте, хотелось действовать.

– Айда, на палубу, – весело предложила она, увлекая меня за собой. Я вопрошающе поглядел на Ланцюга.

– Чем бы, дитя не тешилось, – разрешил он, приподнявшись из-за стола.– Надо и нам передохнуть, на свежий воздух, здесь душно.

– Петр Евсеевич,– тронул я за руку капитана.– Вы, кажется, обещали удочку и спиннинг?

– За этим дело не станет,– улыбнулся он в усы.– Не только дам удочку, но и проведу инструктаж, поделюсь опытом.

По трапу, следом за Ингой, поднялся на палубу. Капитан ушел в рубку за удочкой.

– Я буду загорать,– сообщила девушка, оказавшись со мною рядом. Она сняла с себя джинсы и блузку и осталась в оранжевом, словно шляпка подсолнуха, купальнике. Он плотно облегал ее красивое стройное тело, невысокую аккуратную грудь, округлые бедра. От нее, от цвета купальника исходило знойное сияние.

Я невольно любовался и она это почувствовала. Улыбнулась, взмахнула рукой, ловко подхватила ступнями пляжные тапочки, так как палуба яхты успела нагреться. Я ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Обернулся и увидел, как Ланцюг поспешно поднес к глазам бинокль. Наверняка, от него не ускользнул мой слишком откровенно восхищенный взгляд на Ингу.

– А я буду ловить рыбу,– громко произнес я, заметив Шелеста с телескопической удочкой в руке.

– Я тоже,– с детским восторгом отозвалась девушка.

– Но удочка одна, – вздохнул капитан.

– По очереди будем рыбачить. На спор, кто больше выловит, кому улыбнется удача,– нашел я выход из ситуации.

– Вот приманка,– Петр Евсеевич подал консервную банку с мелко нарезанными красными кусочками мяса и пояснил. – Это прежде бычки, когда их было вдоволь, ловились, даже на голые крючки, а нынче лучше ловить на мидию, но он ее быстро сбивает, бисус не держит. Креветку тоже ловко с крючка снимает, особенно кругляк. А на кусочек мяса, не меняя приманку, можно с десятков бычков подцепить.

– Говорят, что в Азове и Черном море обитают несколько видов бычка? – подкинул я вопрос бывалому рыбаку.

– Да, – охотно подхватил он тему, налаживая удочку. Инга устроилась в шезлонге, подставив под лучи солнца красивые длинные ноги с слегка загоревшей нежной кожей. На лице очки с перламутровыми стеклами, на прелестной голове – белая шляпка. Я уловил себя не мысли, что хочется прикоснуться к девушке, ласково погладить по бархатистой коже ладонью. Возможно, что истосковался по женскому теплу и ласкам. Вся энергия и чувства уходят в творчество.

– Бычок, довольно интересный вид рыбы. В Бердянске ему недавно установили памятник, – неспешно продолжил рассказ капитан. – В Азовском и Черном морях, в основном обитают пять его видов. Кругляк достигает двадцати пяти сантиметров. В зависимости от сезонности, он отличается по таким видам, как буц хорошо упитанный, кашник – икряной, черныш – самец в брачном наряде и хляк – истощенный после нереста. Кроме того песчаник – белый бычок, травник – зеленчак лиманский, подкаменщик – ратан. Обычный их размер до двадцати пяти сантиметров в длину. А самым крупным считается мартовик, или его еще называют жабой, кнутом. Он при весе восемьсот граммов достигает длины тридцати семи сантиметров. Кроме осетра и севрюги, в Азове водится кефаль, пиленгас, керченская сельдь, барабулька, камбала-глосса, ставрида, сарган и разная мелкая рыбешка, хамса, килька, тюлька, моллюски...

– Вам бы, Петр Евсеевич, на кафедре ихтиологии преподавать, – заметил я.

– А-а, этим делом есть, кому заниматься, – усмехнулся он добродушно. – Хватает и без меня специалистов в ЮгНИРО и КМТИ с учеными степенями кандидатов и докторов наук. А у меня своя нынче кафедра по судовождению, вот эта великолепная яхта. Я на ней чувствую себя Колумбом.

– Как это все интересно, – произнесла Инга. – Вы, наверное, и о других обитателях морей и океанов многое знаете, о разных там приключениях?

– Да-а, довелось на своем веку всякое повидать. Ходил на траулерах производственных объединений «Керчьрыбпром» и «Югрыбпоиск», промышлял в Атлантике, в Индийском океане, не говоря уже о Черном и Азовском морях на сейнерах, так называемого, тюлькиного флота, – улыбнулся бывалый рыбак. Он подал мне удилище, я нанизал на оба крючка по кусочку мяса.

– Здесь глубина метра три-три с половиной, – подсказал он. – Поэтому поплавок можно не регулировать. Клев вы почувствуете по дерганию удилища и напряжению лески.

И, действительно, едва свинцовое грузило успело достичь дна, как я ощутил резкий клев. Вскинул вверх удилище, оно изогнулось, а леска напряглась и зазвенела, как тетива лука. Из водной зеленовато-желтой глубины серебром блеснул бычок – кругляк и затрепетал на палубе.

– Ой, я тоже хочу, – девушка живо поднялась из шезлонга. Наклонилась гибким станом и подхватила в руки бычка с фиолетово-тусклыми зрачками. Я снял его с крючка.

– С почином, – поздравил меня капитан и подал садок из мелкочечистой зеленой рыбацкой сети. Следующую рыбешку плоскую камбалу-глоссу со светлым брюшком мы с Ингой вытянули вместе. Я положил свою ладонь на ее теплую руку, держащую удилище, близко ощутил ее горячее дыхание и трепет тела. Мы так увлеклись рыбалкой, что за короткое время выловили более десятка бычков, две камбалы и серебристого длинного саргана.

– А почему не ловятся кефаль и пиленгас? – поинтересовался у Шелеста.

– Э-э, это хитрая, осторожная рыба, – лукаво подмигнул он. – Она признает только особую наживку – морского червя. Его не просто достать. Опытные рыбаки добывают в лиманах и плавнях или в речке Приморской. Как-нибудь в другой раз припасу для вас эту наживку, – пообещал капитан и поднял садок. – О-о, молодцы. Хватит на уху, да еще и коту Степке достанется. А этого малька отдадим чайке.

Он ловко подбросил мелкого бычка вверх и одна из нескольких чаек, поджидавших гостинец, сверкнув белым крылом, на лету схватила рыбешку.

– Делу время, а потехе – час, – суровым тоном произнес, появившись за моею спиной, Ланцог, и велел неотступно следовавшему за ним Устюжину. – Свяжись по мобильнику, все ли у Ашота готово, а то засиделись мы здесь на якоре.

Артем Силантьевич достал из-за пояса мобильный телефон «Panasonic», вышел на связь и через минуту доложил:

– Босс, заждались они нас. Все готово к приему гостей. Ашот начал было волноваться, не изменились ли наши планы.

– Не изменились. Полный вперед, капитан! – приказал мэр.

– Я хочу порулить штурвалом, – попросила Инга.

– Это уже баловство, еще на мель яхту посадишь, – не разрешил он. Девушка, с грустью взглянув на меня, поняла, что упрашивать бесполезно. Ярослав Гордеевич был чем-то озабочен. Я собрал удочку, смотал леску, чтобы ненароком кто-то не поранился о крючки. Из рассказа Шелеста кое-что почерпнул для себя, значит, не зря согласился на рыбалку. Общение с Ингой мне доставляло удовольствие.

Приятно было видеть рядом прелестное, по-детски восторженно создание. Яхта, оставив по левому борту бухту Булганак, а затем и бухту Рифов, взяла курс на мыс Зюк. В отдалении в золотистой дымке виднелся мыс Казантип, едва различимые корпуса не построенной Крымской АЭС. Яхта, не поднимая паруса, взяла курс на берег, уверенно работая гребным винтом. С каждой минутой берег с сооружениями пансионата и домами селения приближался. Инга выпросила у Ланцюга бинокль и, приставив окуляры к глазам, любовалась морским простором, сейнерами, уходящими на промысел.

– Хотите взглянуть? – обратилась она ко мне и, не дожидаясь ответа, передала бинокль. В перекрестье координат я отчетливо увидел корпус пансионата и причал с катером и несколькими весельными лодками. С нахлынувшей на сердце теплотой вспомнил, какую радость в далеком детстве мне доставил армейский бинокль, подаренный старшим братом Виктором.

Для сельского мальчишки, увлеченного, как и его ровесники, играми в “войнуху”, этот неожиданный подарок был настоящим сокровищем, также как и кожаный ремень, сохранившийся до сих пор. Я редко тогда расставался с биноклем, лишь иногда передавал его смотревшим на меня с завистью ровесникам. Впечатления детства всегда очень свежи и яркие, сохраняются до последних мгновений жизни.

4. Пикник на берегу

Яхта, сбавив обороты гребного винта, мягко причалила, коснувшись правым бортом обвешанного старыми шинами, железобетонной стенки пирса. Матросы бросили концы, и мы по мостику сошли на причал.

– Добро пожаловать, уважаемый Ярослав Гордеевич, дорогие гости! – приветствовал нас плотно сбитый среднего роста смуглый кавказского типа мужчина, лет сорока роду. – Заждались вас, все глаза проглядел. Уха и шашлык остыл, вино прокисло, водка, коньяк перегрелись, а вас все нет и нет.

– Не беда, Ашот Суренович, – пожал ему руку мэр. – На наш век деликатесов и выпивки хватит. А у такого специалиста по шашлыкам, как ты, никогда проколов в организации банкетов-фуршетов не бывает. Ты в этих делах – самородок.

– Правильно говоришь, начальник, – довольный похвалой отозвался Ашот и, окинув всех радушным взглядом, широким жестом пригласил. – Прошу, гостям всегда рады. Я так подумал, что лучше стол накрыть на свежем воздухе под шатром.

– Верно, подумал, – одобрил хозяин. – Мне, Ашот, железобетонные стены на работе надоели. Сидишь в них, словно фюрер в бункере.

Все рассмеялись его неожиданному сравнению. Под стандартным летним шатром с четырьмя стойками находился стол, окруженный стульями.

– Прошу, дорогие гости, – слегка склонившись, повторил Ашот Суренович. – Чем богаты тому и рады.

А радоваться было чему – стол ломился от яств и разных напитков. Были на нем черная, красная и паюсная икра, балык, сыры и колбасы, сало-бекон (любимое блюдо мэра), различ-

ные салаты, фрукты, лимоны, яблоки, апельсины, киви, янтарно светящийся ранний виноград. Из напитков: водка “Союз-Виктан”, “Немиров”, “Абсолют” разных марок шампанское, сухие и крепленые вина, коньяк “Ай-Петри”, “Коктебель”, прохладительные напитки, нескольких сортов пива. Сервировка была прекрасной. Жаль было разрушать этот натюрморт. Словно уловив суть моей мысли, по-хозяйски устроившись во главе стола. Посадил меня справа, а Ашота Суреновича – слева, Ланцюг провозгласил:

– Молодец Ашот! Твой стол достоин кисти художника. Такую красоту грех не запечатлеть. Давай-ка, Артем,ними нас видеокамерой. Всем минуту внимания.

Устюжин охотно запечатлел содержимое стола и нас на видео пленку.

– Спасибо, Гордеич, только вы и можете по достоинству оценить труд, – встал Ашот, и указал взглядом на стоящую возле треноги с закипающей в котле ухой женщину. – Это Наталья Васильевна постаралась, а я мастер по шашлыкам, а она универсал по кулинарии.

– Давайте к нашему шалашу, присаживайтесь, – пригласил женщину мэра.

– Я потом, – смутилась она и принялась колдовать над ухой.

– Леди и господа! – поднялся Ланцюг, когда шампанское разлили в бокалы. – Прошу внимания. У нас прекрасный повод хорошо отдохнуть от дел праведных. Предлагаю выпить за наше с вами здоровье! Будет здоровье, значит, будут счастье и другие блага.

Раздался звон хрустальных фужеров. Все дружно выпили и заработали вилками и ножами. Инга сидела рядом со мной. Я ощущал ее вроде бы нечаянные прикосновения рук, локтей, округлого теплого бедра. Мы встречались взглядами и, похоже, ей нравилась эта безобидная игра. Я наполнил Ингин и свой бокалы шампанским, но Ярослав Гордеевич, взяв на себя функции тамады, властно остановил меня:

– Будет вам компот, женский компот хлестать, от которого ни в одном глазу. Наливай коньяк. Это сосудорасширяющее средство, будет лучший приток крови в мозг, яркие мысли и образы роятся. Мне известно, что некоторые из писателей, перед тем, как взяться за перо, рюмку-другую пропускают. Тогда работа у них идет, как по маслу. Перо едва успевает за мыслями.

– Предпочитаю писать на трезвую голову, – ответил я. Тем временем, Ашот, освободив мой бокал от шампанского, наполнил его золотисто-шоколадным напитком.

– Уха поспела, велите подавать? – послышался голос Натальи Васильевны. Ашот вопрошающе посмотрел на Ярослава Гордеевича.

– Пожалуй, под коньячок славно пойдет, – ответил хозяин.

– А уха-то необычная, тройная, – сообщил Ашот, и поспешил на помощь к женщине. Они быстро разлили дышащую ароматом горячую уху по мискам. Такой вкусной ухи из осетра со специями мне еще не доводилось отведать. Наваристая, ароматная. Вообще я подметил, что под хорошую закуску можно выпить четыреста-пятьсот граммов водки и чувствовать себя вполне комфортно.

– Что, писатель, доволен, что я тебя вытащил из берлоги? – запросто перейдя на “ты”, поинтересовался чиновник. – А то, ведь живешь замкнуто, изолировано от общества, будто в колонии. Бурная жизнь с ее земными прелестями и радостями проходит мимо.

– Что ж поделаешь, у каждого своя планида, – усмехнулся я.

– Впервые вижу живого писателя! – с восторгом произнесла Инга. – Что вы ли написать? На какую тему?

– Десятка два романов, повестей и рассказов, не считая публицистику, – улыбнулся ее почти детской непосредственности. – В основном на любовно-криминальную тему. Какая жизнь такие и романы.

– Замечательно! Я люблю читать остросюжетные детективы, дух захватывает, – призналась девушка и, потянувшись ко мне с бокалом шампанского, смело заявила:

– Предлагаю выпить за писателя и его творчество!

– Вот так, Инга, непоседа. Ты всегда норовишь вне конкурса, – пожурил ее мэр. – Опередила меня с тостом. И как это, Влад Алексеевич, так быстро смог тебя очаровать?

– Он интересный, загадочный человек, – призналась она. Все следом за хозяином дружно встали и выпили коньяк, а Инга шампанское.

– Вы мне дадите что-нибудь почитать? – попросила девушка, нежно и смело, глядя мне в глаза.

– Если у вас появилось такое желание, то охотно.

– Конечно.

– Художественная литература не только одно из моих увлечений, но и будущая профессия, – заметила она. – Я учусь на филологическом факультете университета. Русский язык и литература. Даже сама пыталась сочинять, но получалось по-детски наивно.

– Тогда мы с вами коллеги, родственные души, – улыбнулся я. – Литература, как жар-птица. Не каждому дано завладеть ее волшебным пером. Это и талант, и тяжкий труд. А почему вы, Инга, не на занятиях, ведь уже вторая неделя сентября на исходе? Отстанете от своих однокурсников, догонять нелегко.

– Ярослав Гордеевич, влиятельная личность, – улыбнулась девушка. – Позвонил ректору, меня освободили от трудовой повинности, от сельхозработ. Наверное, для вас не является новостью, что с наступлением осени студентов активно привлекают к сбору урожая овощей, фруктов, винограда...

– Да, очень знакомая практика, – подтвердил я, вспомнив студенческие десанты из общаг в окрестные села. Днем – работа на плантациях и в садах, а вечером до полуночи, а то и до утра дискотека и танцы, охота за местными красавицами, что кровь с молоком. Но об этом я скромно умолчал.

– Мне стало известно, что вы пишете книгу, – сообщил девушка. – Может, и мне посвятите несколько строчек? Все-таки рядом с героем обитаю.

«Она тоже не лишена тщеславия, наверное, в тщеславного отца пошла, – с грустью подумал я, но все-таки обнадежил. – Если так хочется, то напишу. Но для этого я должен вас хорошо узнать, образ жизни, духовный мир, устремления, девичьи тайны...

– Согласна, – с воодушевлением сказала она. – Общение с вами доставит мне удовольствие. А вот насчет девичьих тайн подумую.

– Боюсь вас разочаровать, – скромно склонил я голову. – Вы, наверняка, избалованная комфортом и роскошью девушка с большими претензиями, а я скромный раб пера и бумаги. Живу чувствами и проблемами своих литературных героев.

– Вот и не угадали, – прошептала Инга. – Я обычная девушка, любопытная и компанейская. Считаю, что жить надо свободно и весело, не причиняя другим боли и вреда. Всем должно найтись место под солнцем, чтобы было тепло и уютно.

– Мне нравится ваше кредо.

– Тогда давайте дружить, – обрадовалась она и подала мне свою руку. Я с трепетом ощутил нежное прикосновение ее тонких пальцев. Мы успели выпить за здоровье гостеприимного Ашота Суреновича и кулинарное мастерство Натальи Васильевны. После чего Ашот, блестя черными зрачками, предложил:

– А теперь отведайте мое коронное блюдо.

Почему-то вместо “фирменное” он назвал коронное? Наверное, потому, что звучит величественно. Он подошел к мангалу и принес шампура с нанизанными на них кусочками ароматного мяса разделенных помидорами и луком. Стекали капли янтарного жира.

– Из краснюка, осетра и севрюги, – сообщил Ашот, вручая каждому по шампуру. Я снял кусочки мяса и приправу на тарелку. Инга и другие последовали моему примеру и только Ашот крепкими зубами ел мясо с шампура. Наполнили рюмки шведской черносмородиновой водкой “Абсолют”

– Выпьем за прекрасных женщин! Пусть большая, светлая любовь всегда озаряет их сердца!– произнес я с пафосом. Хмель начал меня разбирать.

– Эх, Влад Алексеевич, вижу, ты равнодушен к женщинам,– смутил меня Ланцюг.

– А разве можно быть к ним равнодушным, пока сердце стучит, – нашелся я с ответом.

– Bravo, писатель! – воскликнула Инга, и захлопала в ладоши. Ее поддержала Наталья Васильевна. За этот тост мужчины выпили стоя. Наталья Васильевна тоже охотно выпила фужер шампанского.

– Рыбы мы наловили? – неожиданно спросила Инга.

– Наловили, – ответил я, озадаченный ее вопросом.

– А теперь пора купаться. Девушка смело взяла меня за руку и увлекла на песчаный пляж с островками отшлифованной волнами разноцветной гальки. «Прекрасная фигура вполне сформировавшейся женщины, возможно уже испытывшей первые блаженства страсти, пьянящий восторг любви,– подумал я, следуя за прелестницей. – А нет ли в ее действиях коварного замысла? Не приставил ли он ко мне свою дочь в роли очаровательной соблазнительницы, чтобы потом диктовать мне свои условия. Не задался ли он целью сделать из меня своего придворного писаря-библиографа? Нет, с его стороны это было бы слишком цинично и подло по отношению не только ко мне, но к дочери. По раскованности, искренности девушки, ее невозможно заподозрить в исполнении неблаговидной роли. Будь что будет, куда волна вынесет, так тому и быть. Чрезмерная подозрительность только во вред».

Девушка вошла в воду, смело нырнула в накатившую волну. В прозрачной воде, я увидел преломленное в лучах солнца ее гибкое тело в ярко-оранжевом купальнике. Я поплыл следом и догнал ее у красного буйка, обозначающего границу заплыва. Мы решили отдохнуть, повиснув на буйке, закрепленном ко дну тросом.

– А здесь змеи водятся? – спросила она, опасливо озираясь по сторонам.

– Нет. Их отсюда курортники выжили,– предположил я.– А вот у мыса Змеинового, потому он так и называется, и на Бочарке довелось их наблюдать. Змеи охотятся на бычков и мелкую рыбешку, забираются в садки зазевавшихся рыбаков и лакомятся.

Я открыто с нежностью взглянул на девушку. И она, видимо, осознав власть своей красоты и очарования, не смутилась, а загадочно улыбнулась.

– Хочу побывать на Бочарке,– сказала она.– Там, наверное, дико и романтично?

– Да, укромное место, берег укреплен от размыва камнями, обросшими мидиями и водорослями, но есть и удобные для купания участки, – пояснил я.– Интерес представляет старый полуразрушенный грот, а вблизи него в зеленом обрамлении камыша озеро, в котором водятся караси.

– Очень обожаю нетронутые, дикие, а значит, естественные, уголки природы,– призналась она.– Там сохранилось разнотравье, полевые цветы...

– К сожалению, таких уголков становится все меньше,– заметил я.– Человек разрушает животный и растительный мир, созданный веками.

К берегу поплыли рядом. Инга, словно русалка, подплывала то с одной, то с другой стороны, на мгновение, прикасаясь ко мне рукой, локтем или ногой. Эти, вроде бы нечаянные прикосновения для меня были приятны. Похоже, что и девушку забавляла игра. Она вышла на песчаный пляж и капельки воды радугой засияли на ее теле. Перевалившее через зенит солнце быстро выпило всю влагу. Немного позагорали на теплом песке, но наше уединение было нарушено криком.

– Где вы там, писатель, Инга! Вас приглашают к столу,– позвал, неожиданно возникший у кромки воды, Устюжин и, ревностно оглядев, произнес. – Ну, что порезвились, дельфин и русалка? Держитесь подальше друг от друга, а то, как бы чего не вышло.

Мы, переглянувшись, направились к шатру.

– На десерт, дыня и арбуз,– произнес Ашот Суренович и подал Наталье Васильевне знак. Она принесла на круглом подносе аккуратно нарезанные дольки истекающего соком арбуза.

– О-о, гарный кавун! – с восторгом воскликнул Ланцюг.– У меня на родине в херсонских степях кавуны растут. Солодки як мед.

На другом подносе Ашот подал разрезанную продолговатую туркменскую дыню с желтовато-ароматной мякотью. Я видел, как ровными цвета сахара-рафинада зубами Инга впиалась в сочную мякоть арбуза. Она аккуратно собирала черные семечки в ладонь.

– Правда, вкусная ягода? – спросила она.

– Да, замечательный арбуз,– согласился я.– Хорошо утоляет жажду.

– Вы напишите об этой морской прогулке?

– Возможно, впечатления яркие, – пообещал я.

Возвращались мы на закате. На море был легкий бриз. Солнце опускалось над грядой Митридата и бросало багряный отсвет на паруса яхты

– Сбылась, хоть и на короткое время твоя мечта,– обратил я внимание Инги на цвет парусов.

– Очень красиво, – обрадовалась девушка. Но вскоре солнце, когда мы приблизились к причалу, спряталось за грядой и паруса стали мраморно-белыми.

– Мне грустно с вами расставаться,– неожиданно призналась Инга.– С вами интересно беседовать на разные темы.

– Вы – очень утонченная, любознательная девушка,– ответил я.– Мне очень жаль, что эта встреча подошла к концу.

– Я вам позвоню, номер узнаю у Ярослава Гордеевича.

– Не надо его беспокоить,– предусмотрительно заметил я. Вырвал из блокнота листок и записал на нем свой номер.

– Извините меня за настойчивость, – прошептала она, спрятав листок в карман джинсов.

– Это естественная настойчивость. Я очень рад нашему знакомству, – признался я. – Конечно, много времени занимает творчество, но порой бывает грустно от одиночества. А с такой очаровательной девушкой, как вы общение всегда приятно.

– Мне тоже. Но времени осталось немного, в конце сентября заканчивается мой отпуск,– сообщила она.– Тогда снова учеба, конспекты, лекции, зачеты, экзамены...

–Учение – свет, а не учение – тьма, – с юмором и легкостью в сердце напомнил я, довольный тем, что время потрачено не напрасно.

Возвращались в город на закате. Тихий вечер, как искусный художник, разводил акварели. Последние лучи, уходящего в морскую глубину солнца, окрасили паруса алым цветом. Мы с Ингой находились на палубе и восхищались красотой заката. Тишину нарушали крики чаек и плеск воды. Снова пригрезились живописные пейзажи из волшебной феереи Грина.

– Ты – прекрасная Ассоль,– произнес я, ласково глядя на юное создание.

– В таком случае, вы, ты – мой капитан Грэй, – ответила она с улыбкой, подарив надежду на продолжение отношений.

5. Неожиданный визит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.